

Н. В. Гоголь и национально-культурное единство.

Нѣтъ, не критику собираюсь писать, да и не литературный очеркъ. Слова замираютъ на устахъ, пристыженіе сознаніемъ слабости и безсилія для того, чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить всю мощь и величіе „гениального первомученика“, великаго сына поэтической Малороссіи, Николая Васильевича Гоголя. Послѣ того восторга, какимъ обнимали знаменитаго малоросса Гоголя поэты Пушкинъ и

Жуковскій, отецъ русской критики Бѣлинскій, а тамъ и Тургеневъ, пройдетъ много времени, пройдутъ десятки лѣтъ, старымъ на смѣну придутъ новыя поколѣнія и, быть можетъ, только имъ будетъ суждено разгадать ту тайну, тайну великой скорбящей души, какую незамѣненный писатель унесъ съ собою въ могилу. Быть можетъ, имъ будетъ суждено понять весь трагизмъ этой удивительной жизни, такой трепетной и несчастной, психологически глубоко содержательной и такой безнадежно загадочной. Имъ только будетъ дано по достоинству оцѣнить и тотъ трезвѣйшій реализмъ Гоголя, отца русской изящной прозы и предтечи Достоевскихъ, Толстыхъ, Некрасовыхъ, Гончаровыхъ, Тургеневыхъ,—и тотъ пламенный романтизмъ, тутъ же рядомъ свившій себѣ гнѣздышко въ душѣ писателя, заставившій его влюбиться въ Римъ и Аннуунціату, заставившій его полюбить, болѣзненно страстной любовью, волшебную Италію, полюбить ее такъ, какъ любятъ человѣка, женщину: „Душенька моя! Моя красавица Италія! Никто ее въ мірѣ не отниметъ у меня!“

Не мѣсто здѣсь критикѣ. Одна священная дрожь, молитвенное благоговѣніе окутываютъ все наше существо, когда только вслушаемся въ сарказмъ этого геніального сатирика, смѣняющійся горячими лирическими страницами; когда хорошенко присмотримся къ яркимъ и блестательнымъ краскамъ малороссійского утра, милымъ вечерамъ на хуторѣ близъ Диканки; когда нашъ слухъ поразитъ тотъ страшный, горький смѣхъ, смѣхъ сквозь слезы! Трагизмъ, непонятный обыкновенному смертному трагизму, составляетъ всю суть многострадальной жизни Гоголя,—трагизмъ, явившійся отпечаткомъ трагизма въ жизни всей великой необъятной Руси.

Если въ Державной Руси на Гоголя смотрятъ, какъ на могучій рычагъ, съ помощью которого настоящая и а родна я Русь перевернетъ постылый укладъ старой бюрократической чиновной Руси; если тамъ, по мнѣнію многихъ, „далеко еще царство идеальныхъ героевъ, которыхъ силился придумать великій писатель для второй части безсмертной эпопеи“; если тамъ, по мнѣнію многихъ-многихъ, „не видно еще неба въ алмазахъ, о которомъ въ предсмертныхъ пѣсняхъ мечталъ Чеховъ“,—то намъ, сынамъ Прикарпатской Руси, остается отъ души пожелать нашимъ „закордоннымъ“ братьямъ многихъ силъ и выдержки въ гигантскомъ трудѣ обновленія родной намъ Руси на грандіозномъ пути культурного развитія и достиженія того возможнаго совершенства въ культурной и государственной жизни, которое заставитъ обрадоваться изстрадавшійся духъ Гоголя, столь искренно, такъ страстно желавшаго видѣть Русь оправившейся отъ долгихъ недомоганій и страданій.

Для насъ, сыновъ Прикарпатской Руси, живущей иной политической жизнью, гигантская личность родного земляка малоросса, Н. В. Гоголя, имѣеть громаднѣйшее национально-культурное значеніе. Гоголь является для насъ живымъ, какъ живое слово литератур-

ной рѣчи, чистымъ, какъ чистая слеза любящаго брата, неопровержимымъ, какъ скала, вѣчнымъ, какъ величественный памятникъ геніального творчества, доказательствомъ неоспоримой правды, сути и содержанія нашего народнаго идеала: национально-культурнаго единства всѣхъ вѣтвей одного русскаго народа! Любя всей пламенной любовью чистой души родную Малороссію, полную изумительной красоты, онъ, своими краснорѣчивыми устами, провозгласилъ могучій глаголъ духовнаго сліянія Украины съ остальной Русью и воздвигъ своей ближайшой родинѣ, Малороссіи, достойный памятникъ на русскомъ литературномъ языке! Любя всею своей великой, изстрадавшейся душой родную Малороссію, съ ея свѣтлымъ небомъ, съ ея мягкимъ климатомъ, съ ея благословленной землей, съ ея тихими украинскими вечерами, съ ея поэзіей, пѣснью и думой, съ „ея садкомъ вишневымъ коло хаты“, Гоголь той же пламенной любовью обнялъ родную Великороссію, съ ея холоднымъ умомъ, съ ея стремленіемъ къ созиданію и культурному творчеству, съ ея государственностью. Въ 1844 году пишетъ Н. В. Гоголь А. О. Смирновой: „Я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская; знаю только то, что никакъ бы не даль преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣть въ другой,— явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ, непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слившись воедино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ“.

Въ этихъ словахъ и есть завѣтъ величайшаго и лучшаго сына Малороссіи, Гоголя, указывающій единственный, правильный путь и вѣрное направлениe всего национально-культурнаго, духовнаго развитія малорусской вѣтви. Слѣдя по указанному Гоголемъ пути, малороссы—все равно живутъ-ли они въ Державной Руси, или же въ Руси Прикарпатской—создадутъ прочныя основанія национально-культурному развитію родной страны и родного даровитаго народа и слившись воедино съ трезвымъ, созидающимъ умомъ прилежнаго, стойкаго великого росса, „составятъ собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ“, или же, въ противномъ случаѣ, станутъ блуждать по темнымъ тропамъ народнаго отщепенства, сепаратизма и мазепинства, задохнутся въ удушливой атмосферѣ узко-партийнаго шовинизма и увязнутъ отъ недостатка тепла и свѣта правдивой культуры, отъ скучности культурныхъ источниковъ; увязнутъ въ тѣсномъ кругу закорузлой кружковщины, замкнутости и узко-партийнаго сектантства.

Гоголь является для насъ живымъ источникомъ вѣры въ правоту нашего национально-культурнаго начинанія; источникомъ надежды на побѣду исторической правды надъ политическими хитросплѣ-

теніями и коварствами, пытающимися убить живую народную душу и жизнь народа, расчленить богатѣйший организмъ народа-великаны!

Когда уставшая отъ вѣшнихъ ударовъ и внутреннихъ невзгодъ, истощенная дерзкимъ врагомъ и наѣздникомъ, Сѣверная Русь изнемогала въ своемъ общественномъ и культурномъ безсиліи, тогда изъ братской Южной Руси, отъ теплого роднаго Юга, пошли на Сѣверъ Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Стефанъ Яворскій, Димитрій Ростовскій, Феофанъ Прокоповичъ, Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ и многіе-многіе другіе, понесли туда свой талантъ, свои дарованія, свои глубокія знанія, чтобы тамъ, на Сѣверѣ, положить основанія общерусской образованности, общерусской учености.

Когда, встревоженная успѣхами даровитаго галла, Европа очнулась и стала будить отъ сна забывшіяся въ дремотѣ „просвѣщенного абсолютизма“ национализмъ XIX вѣка; когда и въ Россіи зардѣлась заря будущаго, хотя и далекаго, чистаго народнаго самосознанія,—тогда опять отъ Юга, отъ тепла и свѣта, изъ живописной и поэтической Малороссіи, идетъ на родной Сѣверъ величайшій сынъ Украины, Гоголь, чтобы тамъ положить основанія общерусской изящной прозы, реалистической, народной литературы, богатой, единственной въ мірѣ, недостижимой!

Въ минуты душевныхъ мукъ, въ минуты сомнѣнія, являлся для Тургенева опорой могучій и прекрасный русскій языкъ, данный только великому народу. Въ минуты испытаній, въ минуты сомнѣній, въ годину тяжелыхъ преслѣдованій, горечи и мукъ да будетъ для нась опорой великій сынъ Малороссіи Гоголь, вѣчно-живое доказательство неоспоримой истины: національно-культурнаго единства всѣхъ вѣтвей одного русскаго народа!

Н. П. Глѣбовицкій.

Вѣна, 20 марта
1909 г.

